

ГОРИЗОНТ СОБЫТИЙ
В ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОМ СОЗНАНИИ

ПУСТОТА

Jak Marriten

Jak Marriten

**Горизонт событий в
отдельно взятом сознании**

«Автор»

2026

Marriten J.

Горизонт событий в отдельно взятом сознании / J. Marriten —
«Автор», 2026

Алексей Нестеров — психотерапевт, который давно перестал верить в чудеса. Но когда его по госзаказу отправляют работать с террористом по прозвищу «Пустота», он сталкивается с тем, что не вписывается ни в один учебник. Пустота считает, что мир — это его сон, а сам он — единственное реальное сознание во Вселенной. Он взорвал автобус с людьми, но не признаёт вины. И, что самое странное, он знает будущее. Два человека — уставший врач и безумец-солипсист — начинают разговор в камере следственного изолятора. Разговор перерастает в многолетнюю переписку, исповедь, попытку вернуть утраченную человечность. Они меняются ролями, заражают друг друга пустотой и постепенно обретают то, что потеряли: способность чувствовать, плакать, прощать — хотя бы не до конца. «Горизонт событий в отдельно взятом сознании» — это роман о границах реальности, о том, что даже чёрная дыра может стать окном, если внутри неё остаётся живой свидетель.

© Marriten J., 2026

© Автор, 2026

Jak Marriten

Горизонт событий в отдельно взятом сознании

От автора

Эта книга не документальная. Все совпадения с реальными людьми, событиями и уголовными делами случайны. Но психологические состояния, описанные здесь, — результат многолетней клинической практики и личного опыта потери.

Я не хочу, чтобы читатель искал в романе ответы на вопрос «что такое реальность?». Ответа нет. Есть только вопрос, который мы задаём себе, глядя в ночное небо или на зелёный лист комнатного растения.

Книга родилась из разговоров в камере 407. Тот, кто сидел напротив, не разрешил назвать своё настоящее имя. Он остался «Пустотой». И я благодарен ему за то, что он позволил мне записать нашу историю.

Если после прочтения вам станет чуть легче дышать — значит, мы не зря потратили время.

Глава 1. Госзаказ

Алексей Борисович Нестеров предпочитал «клиент» или «собеседник». За двадцать три года практики он понял: никто никого не лечит. Ты просто сидишь напротив человека и говоришь так, чтобы ему стало чуть легче нести свою голову.

Мысль о самоубийстве была не абстрактной. *Он вспомнил, как сидел на персидском ковре в той квартире на Кутузовском. Клиент — сорокапятилетний, с запахом дорогого одеколona и страха — сжимал в руке стакан с виски и повторял: «Я не чувствую ничего, доктор. Совсем ничего». Нестеров тогда сказал: «Боль — это не доказательство нереальности, а доказательство того, что организм ещё борется». Клиент посмотрел на него с такой тоской, что Нестеров до сих пор помнил этот взгляд. Через месяц клиент повесился в гараже. Нестеров не спал шесть недель. Потом сон вернулся, а вместе с ним — тупое, смирное чувство, похожее на старый зуб, который ноет при перемене погоды.*

В десять утра вторника он сидел в своём кабинете на Большой Никитской, пил остывший кофе из автомата и смотрел на экран ноутбука. На почту пришло письмо от «Федерального казённого учреждения «Объединённая дирекция госзаказа»» с темой: «Уточнение условий контракта № 734/Антитеррор-ВИП/2024».

Нестеров не подавал заявку. Он перечитал письмо три раза. Короткое, строчек на двенадцать. Приглашение явиться для подписания контракта на оказание услуг психокоррекции лица, совершившего деяние по статье 205 УК РФ, с применением методов КПТ в условиях изоляции. Цена контракта: 4 200 000 рублей. Срок: три месяца. Место: ФКУ СИЗО-3 «Матросская Тишина». Внизу стояла виза: «Ваша кандидатура утверждена Межведомственной комиссией без альтернативы».

Он отпил кофе. Кофе был жидкий, с привкусом картона. За окном — серая московская мартовская муть. На подоконнике стоял фикус. *Фикус не рос и не умирал — Нестеров поливал его ровно раз в неделю по воскресеньям.*

Он набрал номер адвоката Михаила Наумовича. Тот ответил с шестого гудка и сказал, что контракт — это не предложение, а приказ в мягкой обёртке. «Ты понимаешь, Лёша, «без альтернативы» значит, что если откажешься, твою лицензию могут пересмотреть. Не отзовут, но начнут копать. А у тебя в отчётах за прошлый год есть творческие разночтения с методологией Минздрава».

Нестеров помолчал. Взглянул на фикус. Фикус молчал. «Сколько они платят?» — спросил он, хотя уже знал. «Четыре двести. Это твой годовой доход. А тут три месяца. Закроешь половину ипотеки». Ипотека осталась на нём после развода — дурацкая договорённость, на которую он подписался, потому что думал, что любил. «Ладно, — сказал он. — Пусть будет».

Он подписал бумажку и поехал в дирекцию на Садовом кольце.

Там пахло казённым линолеумом и перекисью водорода. На стойке сидела женщина с розовым гелем на ногтях. Она проверила паспорт, выдала карточку посетителя с надписью «Психолог-эксперт первого уровня» и отправила в кабинет 317.

В кабинете 317 сидел полковник в отставке Виталий Ильич Скородумов. Нестеров знал его по прошлым госзаказам. У полковника было лицо человека, который видел слишком много дерьма и научился на него не реагировать.

«Садись, Нестеров. Время мало, без лирики. Папка с делом — на столе. Забери, изучи. Первая встреча — завтра в девять утра. Твоя задача — не лечить. Составить психологический портрет для суда. Понять: он вменяем или нет. И если нет — насколько опасен».

«В деле уже есть три экспертизы, — сказал Нестеров. — И они противоречат друг другу». «Поэтому нужна четвёртая. Твоя. И она должна быть убедительной. Если скажешь, что невменяем — отправят в психбольницу на неопределённый срок. Если вменяем — пожизненное. Выбор за тобой». «Выбор не за мной, — тихо сказал Нестеров. — Выбор за фактами». Скородумов усмехнулся: «Факты, Нестеров, — это то, что проходит экспертизу. Желаю, чтобы твоя прошла».

Скородумов протянул папку. Нестеров взял её, почувствовал вес. «Четыре двести, — подумал он. — И шанс понять, что движет человеком, который считает себя единственной реальностью. Это интереснее, чем лечить панические атаки у топ-менеджеров». Он не сказал этого вслух, но Скородумов, кажется, прочитал по его лицу: «Не влюбись в него, Нестеров. Ты — эксперт, а не спасатель».

В папке лежало личное дело человека, которого в контракте называли «Пациент Пустота». Это было не кодовое имя. Так звали его по документам.

Нестеров не стал открывать папку в дирекции. Вышел на улицу, сел в старый «Форд Фокус» с облезлой обивкой. Снаружи моросил дождь со снегом. Он включил лампочку над головой и открыл папку.

Первая страница: Фамилия: Пустота. Имя: отсутствует. Отчество: отсутствует. Год рождения: 1989 (по словам субъекта, он «сам себя вспомнил» в 2015 году; до этого — «ничего не было, даже пустоты»). Место рождения: «я не был рождён, я возник». Гражданство: РФ. Образование: по данным субъекта — «университет сна»; по оперативным — семь классов вечерней школы в Саратове, затем ПТУ № 34.

Нестеров почувствовал, как затылок слегка защипало. Он видел шизофреников, психотиков, людей с бредом величия. Но «Пустота» в графе «имя» — это было ново.

Хронология: 2017 — зарегистрирован как ИП в Энгельсе, вид деятельности «психологическое консультирование онлайн», сайт Pustota.pro. Основной тезис: «Вы — единственное реальное существо во Вселенной. Всё остальное — ваша галлюцинация». Количество подписчиков в Telegram на пике: 47 тысяч. 2019 — переезд в Москву, клуб «Горизонт» на Павелецкой, семинары «Солипсизм как терапия повседневности». 2021 — уголовное дело по статье 110.1 УК РФ (склонение к суициду), закрыто за отсутствием состава. Экспертиза Института имени Сербского признала его «ограниченно вменяемым с признаками параноидного синдрома, не требующим принудительной госпитализации».

Нестеров почесал переносицу. Харизматичные шизоиды, создающие культы вокруг своей пустоты — он знал этот тип.

Далее: 2022, 14 сентября. Пациент Пустота совершил деяние, квалифицированное как теракт (ч. 3 ст. 205 УК РФ). В 8:47 на 98-м километре трассы М-5 «Урал» взорван автобус

ПАЗ-32053, следовавший по маршруту Москва — Рязань. В автобусе находились 14 человек — все погибли. Пустота в тот момент находился в гостинице «Рязань» в номере 407, откуда позвонил в приёмную ФСИН и сообщил: «Это не теракт. Это ваш коллективный сон разомкнулся. Я просто нажал кнопку «выйти» для тех, кто застрял в петле». Задержан в 9:10, не сопротивлялся, улыбался.

На последней странице, перед заключениями экспертов, была приписка от руки, сделанная красным фломастером, другим почерком: «Примечание следователя: на вопрос "Кто вы?" ответил: "Я тот, кто смотрит на вас из зеркала, когда вы не ждёте". После этого отказался от дальнейших комментариев». Нестеров перечитал эту фразу трижды. Что-то в ней было — не угроза, не безумие, а странная, почти детская печаль.

Три экспертизы: первая (Сербский) — невменяем, нуждается в принудительном лечении; вторая (Минздрав) — вмняем, симулирует; третья (комиссия ООН) — «субъект демонстрирует уникальную когнитивную организацию, не подпадающую под существующие диагностические категории; рекомендовано дальнейшее наблюдение». Внизу — резолюция: «Утвердить Нестерова А.Б. Срок — 90 дней. Не подписывать бумаг о переводе в стационар до окончания контракта».

Нестеров закрыл папку. Посидел в машине, глядя на капли на стекле. Сердце билось ровно, но под рёбрами заворчалось профессиональное любопытство, смешанное с инстинктом самосохранения. Он завёл машину и поехал домой. Завтра в девять утра — первая встреча.

Дома его ждала пустая двушка в Хамовниках, которую он снимал после того, как бывшая жена Лена забрала трёшку в Сокольниках и двух котов. Котов звали Бодхи и Дзен — Лена была буддисткой-любительницей. Нестеров котов не любил, но скучал по их присутствию. Он разогрел замороженные пельмени, съел их из кастрюли, лёг на диван. В телевизоре шло ток-шоу про измены.

Нестеров смотрел на лица участников и думал: каждый убеждён, что он настоящий. Диагноз ставится не тому, у кого странные мысли, а тому, кто не может договориться с большинством о том, что считать реальностью. Пациент Пустота договориться не мог. Но его бред был элегантен, как математическое доказательство. «Вы мне снитесь» — это не крик, а философский тезис, который невозможно опровергнуть эмпирически.

Он выключил телевизор в час ночи, почистил зубы и лёг спать. Ему приснился автобус — не разбитый, а просто едущий по трассе М-5. В автобусе сидели люди с одинаковыми лицами — его собственными. Они молча смотрели в окна, за которыми была бесконечная серая пелена. Один из пассажиров обернулся и сказал: «Алексей Борисович, вы не выйдете на следующей?» Нестеров проснулся с сухим горлом. Было шесть утра.

Он встал, прошёл на кухню, сварил кофе. Подошёл к фикусу, потрогал лист. Лист был тёплым от солнца, которое уже садилось. «Ты живой, — сказал он вслух. — Ты не думаешь о том, что такое реальность. Ты просто растёшь. Может быть, это и есть ответ». Он полил фикус — в среду вместо воскресенья — и почувствовал, как нарушение ритуала отозвалось где-то в груди лёгким, почти приятным беспокойством.

В «Матросскую Тишину» он приехал к половине девятого. СИЗО-3 встретило его запахом нагретого бетона и хлорки. Он прошёл три КПП, предъявил паспорт, допуск, справку о вакцинации и электронный пропуск. На каждом КПП солдаты-срочники смотрели на него с одинаковым выражением: скука пополам с любопытством. Гражданские психологи здесь были редкостью.

На третьем КПП его встретил капитан внутренней службы Леонид Сергеевич Баранов — человек с лицом невыспавшегося бульдога, начальник режимного корпуса. Он провёл Нестерова по длинному коридору с низким потолком и дверями с глазками.

«Нестеров, — сказал Баранов, не глядя на него, — я сразу к делу. Этот ваш клиент... он не буйнит, не психует, не жалуется. Но от него мурашки по коже. Потому что он всегда

улыбается. И смотрит так, будто знает, что ты сделаешь через десять минут». «Это симптом, — сказал Нестеров. — Гиперрефлексия». «Доктор, вы не поняли. Он реально читает мысли. В прошлом месяце я зашёл к нему без предупреждения, а он мне, не оборачиваясь: «Леонид Сергеевич, вы забыли закрыть сейф. Код 1904 — это год вашего деда?» Откуда он знал про код? Я никому не говорил». Нестеров кивнул, но ничего не сказал.

Баранов привёл его к металлической двери с номером 407 и открыл замок. «Час даю. У меня на пульте тревожная кнопка. Если что — нажмёте». «Если что — нажму», — сказал Нестеров и вошёл.

Камера оказалась чистой, белые стены, одно окно под потолком, забранное решёткой. Койка, тумбочка, пластиковый стул. На тумбочке — несколько книг: что-то про квантовую механику, древнегреческий текст без перевода. На койке сидел человек лет тридцати пяти, худой, с короткими тёмными волосами и глубоко посаженными глазами. Обычная роба, тапочки на босу ногу. Он не встал при входе, но когда Нестеров переступил порог, произнёс:

«Алексей Борисович Нестеров. Сорок семь лет. Две книги, ни одной переизданной. Разведён. Спите плохо. Боитесь, что ваш фикус умрёт, но не знаете почему». Он поднял глаза, улыбнулся. Улыбка была не злой и не безумной — спокойной, как у человека, который смотрит на муравья, несущего хлебную крошку. «Садитесь. Только стул я вам не предлагаю. Его нет. Вы его сами себе представили».

Нестеров сел на пластиковый стул. Он был.

«Здравствуйте, — сказал Нестеров. — Меня зовут...» «Я знаю, как вас зовут, — перебил Пустота. — Но это не важно. Скажите, Алексей Борисович, вы когда-нибудь задумывались, что единственное, что отличает вас от меня, — это ваша уверенность в том, что вы не спите? А уверенность — это нейронный паттерн. Я могу его скопировать или стереть. Хотите проверим?»

Нестеров молчал, выдерживая паузу. Первое правило диалога с психотиком: не подыгрывать, но и не ломать его реальность сразу.

«Зачем вы взорвали автобус?» — спросил он ровно.

Пустота перестал улыбаться. Секунду он смотрел на Нестерова так, будто решал, стоит ли отвечать всерьёз. «Я не взрывал автобус. Я заставил четырнадцать человек проснуться. Автобус — это спецэффект, который нужен был их подсознанию, чтобы принять факт пробуждения. Представьте, что вы спите и видите сон, в котором едете в автобусе. И кто-то во сне говорит: «Ты на самом деле лежишь в кровати». Вы не поверите, потому что автобус очень реальный. А если этот кто-то разрушит автобус — вы проснётесь с криком».

«Но четырнадцать человек не проснулись, — сказал Нестеров. — Они погибли. Ожоги третьей степени, разрывы внутренних органов». Пустота вздохнул, как учитель, объясняющий очевидное: «Акты судебно-медицинской экспертизы — тоже часть сна. Вы не можете предъявить сновидению улику из того же сновидения». «Тогда как я могу вам доказать, что я реальный?» — спросил Нестеров. «Никак. Вот в чём проблема. Вы не можете доказать, что вы не моя галлюцинация. Всё, что вы скажете, будет моей мыслью. Всё, что вы сделаете, будет моим действием».

«Тогда зачем вы со мной разговариваете? — спросил Нестеров. — Если я — ваша галлюцинация, зачем тратить время на диалог с самим собой?»

Пауза. В камере стало тихо. Слышно было, как где-то далеко хлопнула дверь. Пустота посмотрел Нестерову прямо в зрачки: «Потому что, — сказал он очень тихо, — я скучаю. Даже единственному сознанию во Вселенной нужен собеседник. Даже если этот собеседник — пустота, которая притворяется психотерапевтом». Он снова улыбнулся, но теперь в улыбке было что-то, от чего Нестерову захотелось встать и выйти.

Первый час терапии закончился, не успев начаться.

Нестеров вышел в коридор, где его ждал Баранов. Капитан взглянул на него и спросил: «Ну что, доктор? Как впечатления?» Нестеров подумал секунду: «Он не психотик. Или психотик, но такой, который знает это и использует как инструмент. Сложнее, чем я думал». Баранов вздохнул: «Я же говорил — мурашки».

По дороге домой Нестеров включил диктофон и начал наговаривать первые наблюдения. Он выключил диктофон и остановился на красный свет. За окном моросил дождь. Он вдруг подумал: а что, если пациент прав? Не в том смысле, что автобус был сном, а в том, что единственное, на что можно опереться, — это собственное сознание. Всё остальное может исчезнуть в любую секунду. Как исчезла его семья. Как исчезнет когда-нибудь этот «Форд Фокус», эти пельмени, этот фикус.

Зелёный свет загорелся. Нестеров нажал на газ и поехал домой. Дома он не стал ужинать. Лёг на диван и уставился в потолок с трещиной, напоминающей очертания Австралии. Он думал о том, как будет выглядеть следующая встреча. И почему этот человек с пустотой вместо имени сказал про фикус. Фикус стоял на подоконнике, зеленел. Нестеров полил его вне очереди — просто так, чтобы доказать себе, что он не боится за фикус. Но он боялся. И не знал, почему.

Глава 2. Метод обратного удара

На следующее утро Нестеров проснулся от того, что будильник играл «В пещере горного короля» — мелодию, которую он поставил пять лет назад и с тех пор не менял.

Он лежал на спине, глядя на трещину-Австралию, и прокручивал в голове вчерашнюю встречу. Пустота. Улыбка. Глаза, которые смотрели не на него, а сквозь него. «Бред, — сказал он вслух. — Обычный параноидный бред с солипсической сверхценной идеей». Но голос прозвучал хрипло и неуверительно. Он сел, потёр лицо ладонями. «Почему я так зацепился за его слова? Потому что он сказал про фикус? Или потому, что он смотрел на меня так, будто знает что-то, чего не знаю я?»

Он встал, сходил в душ, побрился. В зеркале отразился мужчина сорока семи лет с мешками под глазами и сединой, которая за последний год стала не отдельными нитями, а целыми прядями. Он не был стар — он был уставшим.

Нестеров сварил кофе в турке — единственный ритуал, сохранившийся от семейной жизни. Выпил одну чашку, вторую. Посмотрел на фикус — тот стоял на подоконнике, чуть повернув листья к окну. Он пошевелил землю пальцем — влажная. Полил вчера, хотя было не воскресенье. Нарушил ритуал. Фикус не возражал.

Он открыл ноутбук, перечитал свои заметки и набросал план второй встречи: проверить когнитивные искажения, попробовать технику Сократовского диалога.

В десять утра он уже сидел в своём временном кабинете в «Матросской Тишине» — тесной комнате без окон, с металлическим столом, двумя стульями и видеокамерой под потолком. На столе лежало новое письмо от Пустоты, датированное вчерашним вечером.

Он развернул лист. Почерк — ровный, без нажима, будто писал принтер. «Вы ушли, не попрощавшись. Это невежливо, даже если я — ваша галлюцинация. Галлюцинации тоже заслуживают вежливости, иначе они становятся злыми. Вы же не хотите, чтобы я стал злым?» Нестеров перечитал эти строки трижды. «Злым», — повторил он про себя. Это был не просто намёк. Это была угроза, обёрнутая в философский фантик. Он положил письмо в папку и почувствовал, как под рёбрами заворочался холодок. Не страх — предчувствие.

«Он играет, — подумал Нестеров. — Он знает, что я прочитаю это письмо перед сеансом. Он хочет выбить меня из колеи». Он взял диктофон, включил запись и наговорил короткое резюме о возможной манипуляции. Выключил, сунул диктофон в карман и пошёл к камере.

В коридоре его перехватил Баранов. Капитан был бледнее обычного, и под левым глазом у него дёргался нерв. «Доктор, у меня к вам разговор». «Я спешу». «Насчёт Пустоты. Пять минут».

Они отошли к окну в конце коридора. За окном — внутренний двор СИЗО, мокрый асфальт, лужи, колючая проволока. Баранов закурил сигарету без фильтра, затянулся глубоко. «Вчера после вашего ухода я зашёл к нему в камеру — вечерний обход, 22:00. Он сидел на койке, читал книгу. Я спросил: «Как прошло?» Он закрыл книгу и говорит: «Леонид Сергеевич, вы знаете, что ваш начальник, полковник Ступин, завтра попадёт в больницу с сердцем?» Я ему: «Откуда ты знаешь?» А он: «Вы сами мне только что сказали. Только не вслух, а про себя». Баранов затянулся, выпустил дым в потолок. «Сегодня в 7:30 у Ступина случился острый панкреатит. Увезли в Склиф. Как он мог знать?» Нестеров молчал. «Совпадение, — сказал он наконец. — Панкреатит не предсказуем за двенадцать часов». Баранов усмехнулся: «Доктор, я три года работал в оперативной разработке. Я знаю, что такое совпадение. Он говорит такие вещи постоянно. И они сбываются». «Вы ведёте учёт?» «Какой учёт? Я не учёный, я капитан». Баранов погасил сигарету о подоконник. «Я просто хочу сказать: будьте осторожны. Этот человек — не псих. Он что-то другое». «Он псих, — сказал Нестеров твёрдо. — Просто очень умный». Баранов посмотрел на него с сомнением, но спорить не стал.

Нестеров уже хотел идти, но Баранов остановил его: «Доктор, вы не хотите взглянуть на список? Я всё записывал. Для себя. Чтобы не сойти с ума». Он достал из кармана сложенный лист, весь исписанный мелким почерком. Нестеров взял его. Там были даты, события, результаты: чайник, ДТП с Сафроновым, панкреатит Ступина. Но внизу, красной ручкой, было дописано ещё одно: «10.03.2025 — "Вы забудете закрыть дверь в свой кабинет, и я прочитаю ваши бумаги". Сбылось». Нестеров поднял глаза на Баранова: «Вы правда забыли закрыть дверь?» Капитан кивнул, и его лицо стало серым. «Я никогда не забываю запирает кабинет. Никогда. Но в тот день я вышел и через минуту вернулся — дверь была открыта». Нестеров посмотрел на лист ещё раз, потом сложил его и положил в карман. «Я подумую, — сказал он. — Завтра будет новый сеанс».

Он пошёл к камере 407. Пустота встретил его так же, как вчера: сидел на койке, сложив руки на коленях. Только сегодня на тумбочке вместо книг лежал чистый лист бумаги и ручка.

«Здравствуйте, Алексей Борисович, — сказал Пустота без улыбки. — Проходите. Садитесь. Сегодня стул существует? Проверьте.» Нестеров сел. Стул под ним не провалился. «Я прочитал ваше письмо, — сказал Нестеров. — Вы пишете, что я боюсь задать себе вопрос, правы ли вы. Давайте зададим его открыто. Допустим, я спрашиваю: «А что, если Пациент Пустота прав и я — его галлюцинация?» Что из этого следует?»

Пустота чуть прищурился. Неожиданный ход. «Следует, что все ваши действия, мысли, чувства — не ваши. Они мои. Вы — персонаж моего сна, который вдруг начал сомневаться в своей реальности». «Хорошо, — Нестеров выдержал паузу. — Тогда объясните мне, как персонаж сна может сомневаться? Если я — ваша мысль, я должен делать только то, что вы думаете. Но я сейчас задаю вопросы, которые вы, возможно, не планировали. Значит, либо вы не контролируете сны, либо я не ваш сон». Пустота помолчал. В глазах мелькнуло удивлённое удовольствие. «Хороший аргумент. Я его запишу». Он взял ручку и действительно записал что-то на листе. «Но вы упускаете деталь. Во сне вы тоже можете задавать вопросы, которые сновидец не планировал. Сон — это импровизация подсознания. Вы не свободны. Вы просто кажетесь свободным». «Как мы можем это проверить?» «Никак. Солипсизм не опровергается эмпирически. Это позиция. Либо вы принимаете мир вне сознания — акт веры, либо не принимаете — тоже акт веры». «Тогда зачем вы взорвали автобус? — снова спросил Нестеров. — Если это акт веры, зачем насилие?» Пустота отложил ручку. «Я уже отвечал. Я помог им проснуться». «Они умерли. Их тела сгорели. Вдова до сих пор приходит на могилу. Вы хотите

сказать, что её слёзы — тоже ваш сон?» «Да, — спокойно сказал Пустота. — И она, и могила. Всё это — декорации. Правда иногда выглядит жестоко для тех, кто спит слишком крепко».

Нестеров почувствовал злость. Профессиональная холодность дала трещину, но он подавил её. «Давайте сменим угол. Допустим, я принимаю вашу позицию. Я — ваш сон. Тогда зачем вы тратите время на разговоры со мной? Вы могли бы просто лежать на койке и смотреть в стену». Пустота улыбнулся, но улыбка была усталой. «Потому что даже сновидец устаёт от одиночества. Если я единственное сознание во Вселенной, вся бесконечность — это я. Каждая звезда, атом, слеза вдовы — это я. Это очень тяжело. Иногда хочется, чтобы появился кто-то другой — пусть галлюцинация, — и сказал что-то, чего я сам не ожидал». «То есть вы ищете в себе неожиданность», — сказал Нестеров. «Да. Вы — моя неожиданность. Вы сказали то, чего я не планировал. И мне это интересно».

«Он играет, — снова подумал Нестеров. — Но в этой игре есть что-то настоящее».

Они продолжили диалог о фактах, о прошлом Пустоты, о его родителях, об учёбе в ПТУ. Пустота отвечал уклончиво, переводил разговор в философское русло, но в одном месте запнулся — когда Нестеров спросил о чувствах к погибшим. «Что вы чувствовали, когда узнали, что четырнадцать человек погибли?» Пустота посмотрел в сторону. «Ничего. Я не чувствовал ничего. Это был эксперимент, который удался». «И вас это не пугает?» — спросил Нестеров. «А вас не пугает, что вы чувствуете вину за клиента, который повесился, хотя вы сделали всё, что могли? Вы не виноваты, но вы чувствуете. Я — не уязвим. Я свободен».

Нестеров похолодел. Он никогда не рассказывал Пустоте про повесившегося клиента. Это было не в деле. «Откуда вы знаете про клиента?» Пустота улыбнулся — почти сочувственно. «Вы сами мне сказали. Только что. Ваша мысль была такой громкой, что я не мог её не услышать». «Мысли не передаются по воздуху», — сказал Нестеров, хотя голос дрогнул. «Вы уверены? Или вы просто не знаете, как их услышать?»

За окном камеры раздались шаги. Нестеров взглянул на часы: прошло пятьдесят минут. «На сегодня хватит», — сказал он. Пустота кивнул: «Как скажете. Приходите завтра. Я буду ждать».

Нестеров встал, но на пороге обернулся: «Один вопрос. Вы сказали про фикус в первый раз. Откуда вы узнали про фикус? Это тоже была моя мысль?» Пустота взял ручку, снова что-то записал, потом поднял глаза: «Нет, про фикус я ничего не говорил. Это вы сами себе придумали».

Нестеров вышел. Дверь захлопнулась с металлическим лязгом. Он прошёл до конца коридора, не помня, как шёл. В кабинете сел на стул, положил руки на стол. Ладони были влажными. «Про фикус я ничего не говорил», — повторил он про себя. Но это было неправдой. Пустота сказал про фикус при первой встрече — «бойтесь, что ваш фикус умрёт». Нестеров помнил эту фразу дословно.

Он включил диктофон, нашёл запись вчерашнего сеанса. Ответ был записан отчётливо. Пустота отрицал, что говорил про фикус. Но Нестеров помнил, что говорил. Возможности: либо он сам галлюцинирует, либо Пустота лжёт. Но ложь не имела смысла. Солипсисту врать себе незачем.

Нестеров выключил диктофон, закрыл лицо руками. «Если мысли действительно можно услышать, мир, в котором я жил, перестаёт быть тем миром, который я изучал двадцать три года».

Он вспомнил слова Баранова про открытую дверь кабинета, про список предсказаний. Всё это не укладывалось в картину обычного психоза. Он встал, подошёл к двери, выглянул в коридор. Баранов стоял у поста. Нестеров не стал его больше ни о чём спрашивать. Он вышел на улицу. Моросил дождь — тот же самый, что и вчера, и позавчера. Он сел в машину, но не завёл её. Посидел, глядя на капли на стекле. Потом достал телефон и набрал номер бывшей жены. Лена ответила после третьего гудка. «Ты? Что случилось?» «Ничего, — сказал

Нестеров. — Просто хотел спросить. Ты помнишь, как звали нашего первого кота?» Пауза. «Бодхи. Ты что, забыл? Мы же назвали в честь...» «А второго?» «Дзен. Ты издеваешься?» «Спасибо», — сказал Нестеров и повесил трубку. Он не забыл. Он хотел проверить, совпадает ли его память с чужой. Совпала. Бодхи и Дзен существовали. Но существовал ли он сам, Алексей Борисович Нестеров, сорока семи лет, дважды разведённый, неудавшийся писатель и психотерапевт поневоле?

Он посмотрел на фикус на подоконнике. Фикус стоял, повернув листья к уличному фонарю. «Если я исчезну, — подумал Нестеров, — ты продолжишь расти. Это и есть доказательство реальности. Ты не зависишь от моих мыслей». Он подошёл и потрогал землю — сухая. Он полил фикус, хотя было не воскресенье. Нарушил ритуал второй раз за два дня. «Я схожу с ума, — сказал он вслух. — Или становлюсь умнее».

Он включил зажигание и поехал домой. Фикус ждал на подоконнике. Нестеров решил не поливать его до воскресенья, как положено. Хотя бы в этом остаться последовательным.

Глава 3. Шахматная партия без короля

Ночью Нестеров не спал. Он лежал на диване, смотрел на трещину на потолке и прокручивал в голове список предсказаний Баранова. Пятнадцать совпадений, которые не хотели быть совпадениями.

Он встал в три часа, налил себе виски — единственный раз за месяц — и сел за ноутбук. Открыл папку с делом Пустоты, перечитал допросы. Одна фраза привлекла внимание: на вопрос следователя о пожизненном заключении Пустота ответил: «Вы не можете посадить в тюрьму пустоту. Пустота везде и нигде». Нестеров отхлебнул виски, зажмурился. «Бессмертен», — повторил он. Бред величия. Классика. *Но тогда откуда предсказания? Если Пустота действительно верит, что он единственная реальность, он должен знать всё. А он говорит: «Я вижу окна». Окна в будущее. Это не всемогущество. Это рабство. Нестеров вдруг поймал себя на мысли, что завидует Пустоте. Пустота знает, что будет завтра. А он, Нестеров, не знает ничего. Даже того, что будет с ним через час. «Если бы я мог видеть будущее, — подумал он, — я бы позвонил матери. Я бы удержал того клиента. Я бы не дал Лене уйти». Он выпил ещё глоток и понял, что эта мысль — опасная. Он начинает проецировать.*

Он закрыл ноутбук в половине пятого, попытался уснуть. Уснул под утро, и ему снова приснился автобус. Только теперь автобус был пустой. Он стоял на трассе М-5, дверь открыта, внутри тусклый свет. На сиденьях лежали личные вещи: очки, сумка, мобильный телефон, детская игрушка — плюшевый заяц. Заяц смотрел на него пустыми пуговицами и, как показалось Нестерову, улыбался. Он проснулся с криком, который застрял в горле. За окном был серый рассвет.

Он подошёл к фикусу, потрогал лист. Лист был вялым. Он полил его — снова не в воскресенье. Взял палец, пошевелил землю. Сухая. Хотя поливал вчера. Или позавчера? Память начала давать сбои.

В девять утра он уже был в «Матросской Тишине». В кабинете сел, выложил на стол блокнот, но убрал список предсказаний в ящик — не хотел, чтобы Пустота его увидел. На столе лежало новое письмо. Он взял листок, развернул. Три слова: «Сегодня будет звонок». Не от кого, не когда. Просто факт. Нестеров постоял секунду, глядя на буквы, и вдруг понял, что не чувствует ни страха, ни удивления. Только любопытство. «Интересно, — подумал он, — если бы он написал «сегодня умрёт фикус», я бы поверил?» Он сунул листок в карман, и эта мысль осталась висеть, как незакрывающаяся скобка.

Он пошёл к камере. Пустота сидел на койке, пил воду из пластиковой кружки. «Здравствуйте, Алексей Борисович. Вы не спали ночью. Пили виски. Вам снился автобус. И ещё вы боитесь, что фикус засохнет». Нестеров сел на стул. Он решил не показывать удивления. «Вы

написали записку. «Сегодня будет звонок». От кого?» Пустота допил воду: «Не знаю. Я вижу только, что в ткани реальности есть узел. В какой-то момент ваш телефон зазвонит. Кто-то, кто давно не звонил. Вы будете удивлены». «И вы хотите сказать, что это не совпадение?» «Совпадений не существует. Есть сновидение, которое становится плотным в тех местах, где сновидец испытывает сильные эмоции». «Сновидец — это вы?» Пустота задумался: «Если я — единственное сознание, то все эмоции — мои. Но я не чувствую их все. Большинство эмоций в этом сне — фоновые. Но в моменты сильного напряжения ткань сна становится тоньше, и я могу видеть, что произойдёт в ближайшем будущем. Как если бы сновидец заглянул в сценарий».

«Значит, вы не всемогущи», — сказал Нестеров. Пустота усмехнулся: «Я никогда не говорил, что всемогущ. Я говорил, что я — единственное сознание. Но сознание не всемогуще. Оно может ошибаться, путаться, забывать. Сон может быть запутанным».

Нестеров хотел спросить о механизме, но в этот момент в кармане зазвонил телефон. Он вздрогнул. На экране — номер старшего брата, с которым он не разговаривал два года. Пустота посмотрел на него с лёгкой улыбкой: «Я же говорил — звонок». Нестеров сбросил вызов. Телефон зазвонил снова. Снова сбросил. «Вы не ответите?» — спросил Пустота. «Потом. Сейчас я здесь». Он выключил телефон и положил на стол. Руки слегка дрожали. «Это ничего не доказывает, — сказал он. — Совпадение». «Как скажете», — равнодушно ответил Пустота.

Нестеров взял себя в руки. Он должен был сохранить дистанцию. Он задал вопрос о детстве, о «возникновении» в 2015 году. Пустота ответил, что не помнит ничего до этого. «Но ваше тело помнит, — настаивал Нестеров. — Откуда вы знаете, как варить кофе? Как завязывать шнурки?» «Это знание пришло вместе с телом», — сказал Пустота неуверенно. «Тело не приходит одно. Тело рождается, растёт, учится. Если вы не помните своё детство, значит, вы вытеснили травматические воспоминания». Пустота молчал. Его лицо окаменело. «Вы пытаетесь меня раскулачить, доктор. Хотите найти ту боль, которая спрятана. И тогда я признаю, что я не Бог, а просто сломанный человек». «Я хочу вам помочь. Помочь увидеть, что мир не сводится к вашему сознанию. Что другие люди реальны. Что вы несёте ответственность». «А если я прав? — тихо спросил Пустота. — Если мир — это мой сон? Тогда ваша терапия — это просто способ заставить меня поверить в иллюзию. Зачем вам это? Чтобы я стал удобным для общества?» «И вы готовы убивать ради этой истины?» Пустота не ответил. Он смотрел в стену.

Час истёк. Нестеров встал. «Я приду завтра. Мы ещё не закончили». «Не завтра, — сказал Пустота, не оборачиваясь. — Послезавтра. Завтра у вас будет важное дело в городе. Вы не сможете приехать». Нестеров хотел спросить, откуда он знает, но передумал. Он вышел, включил телефон. Шесть пропущенных от брата. Одно сообщение: «Лёша, это срочно. Мама в больнице. Приезжай».

Нестеров перезвонил. Брат ответил сразу: «Инсульт. Сегодня утром. Врачи говорят, 50 на 50. Ты должен приехать». Нестеров сказал, что приедет. Положил трубку. Посидел, глядя на стену. «Завтра у вас будет важное дело в городе». Пустота знал.

Он собрал вещи, вышел из СИЗО, сел в машину и поехал в Тверь. Три часа дороги под серым небом. Он думал о матери, о брате, о том, как мало времени он уделял им после развода. И о том, что Пустота каким-то образом предсказал это событие. Должно быть рациональное объяснение. Может быть, Пустота получает информацию от охраны или врачей? Но откуда у него доступ к медкарте матери в Твери? Никак. Может быть, он внушил брату позвонить? Но брат не знает Пустоту. Оставалось только одно: либо Пустота действительно видит будущее, либо Нестеров сам создаёт эти совпадения, потому что его психика начала поддаваться внушению.

В Тверь он приехал к вечеру. Мать лежала в реанимации, не приходила в себя. Нестеров посидел в коридоре, поговорил с врачом. Прогноз осторожный, надежда есть. Брат, старший

на восемь лет, выглядел постаревшим. Они обнялись молча. Прошлые обиды показались мелкими.

Нестеров сидел в коридоре реанимации, слушая писк аппаратов, и смотрел на свои руки. Пустота знал. Он сказал «завтра у вас будет важное дело в городе» — и это было правдой. Но он не сказал «ваша мать заболеет». Он сказал обтекаемо, как будто не хотел причинять боль. Или как будто не был уверен в деталях. «Если бы он точно знал, — подумал Нестеров, — он бы сказал: «у вашей матери будет инсульт». Но он сказал «важное дело». Может быть, он действительно не всесилен. Может быть, он видит только контур, а не детали. Это... утешает. И одновременно пугает. Потому что если он видит контур, значит, он действительно видит что-то. А не просто угадывает.

Он достал диктофон и надиктовал наблюдения. Потом закрыл глаза. В голове вертелись слова Пустоты: «Совпадений не существует. Есть только сновидение».

Утром мать пришла в себя. Открыла глаза, посмотрела на Нестерова и слабо улыбнулась. «Лёша, а я думала, ты не приедешь». «Приехал, мам», — сказал он, и голос его дрогнул.

Он пробыл в Твери два дня. Вернулся в Москву на третий день, утром. Сразу поехал в «Матросскую Тишину». Баранов встретил его вопросом: «Ну как? Ваше дело решилось?» «Мама в больнице. Инсульт. Жива». Баранов кивнул, не удивлённый: «Он сказал, что вы не приедете. И не приехали. Я уже не знаю, что думать». «Думайте, что это статистическая аномалия. Или эффект подтверждения». «Может быть», — сказал Баранов, но по глазам было видно — не верит.

Четвёртая встреча. Нестеров вошёл в камеру. Пустота читал книгу на английском. «Здравствуйте, Алексей Борисович. Как ваша мама?» Нестеров не ответил. Сел, положил перед собой блокнот. «Вы знали, что у неё будет инсульт?» — спросил он прямо. Пустота закрыл книгу: «Я знал, что произойдёт что-то, что заставит вас уехать. Я не знал, что именно. Я видел только, что вы будете в больнице. Я не знал, что это она». «Как вы это видите? Опишите механизм». Пустота задумался: «Представьте, что время — это река. Обычно вы плывёте по течению и видите только то, что перед вами. А иногда вы поднимаетесь над рекой и видите её всю — и то, что было, и то, что будет. Я не могу подняться по желанию. Но иногда меня поднимает. Я не знаю, почему». «И вы никогда не пробовали это контролировать?» «Пробовал. Не получается. Может быть, потому, что моё сознание — не я. Может быть, есть кто-то или что-то, кто показывает мне эти окна». «Кто?» Пустота пожал плечами: «Если бы я знал, я бы не сидел здесь».

Нестеров записал. Потом спросил: «Вы боитесь смерти?» Пустота улыбнулся: «Нельзя бояться того, чего не существует. Смерть — это часть сна. Когда сон кончается, вы не умираете. Вы просыпаетесь. Я не боюсь проснуться». «Но вы не знаете, что будет после пробуждения». «Знаю. Ничего. Пустота. И это прекрасно».

Нестеров смотрел на него. Этот человек был убеждён в своей правоте настолько, что ни боль, ни одиночество, ни тюрьма не могли поколебать его уверенность. «Я хочу предложить вам эксперимент, — сказал Нестеров. — Завтра я попрошу вас предсказать что-то, что я сам не знаю. Например, какую цифру я загадал. Мы проверим, работает ли ваше видение в контролируемых условиях». Пустота кивнул: «Хорошо. Но вы должны понять: я не фокусник. Я предсказываю только то, что само приходит. Если завтра ничего не придёт, я ничего не скажу». «Принимаю», — сказал Нестеров.

Он встал, но не ушёл. Посмотрел на Пустоту, на его худые руки, спокойное лицо. «Вы когда-нибудь жалели? Не о том, что сделали, а о том, что не можете чувствовать?» Пустота помолчал долго. Так долго, что Нестеров уже решил — ответа не будет. «Иногда, — сказал Пустота. — Когда я смотрю на охранника Сафронова, который каждый день приносит мне хлеб. У него дочь, четыре года. Он показывает мне её фотографии. Она улыбается. Я хотел

бы улыбнуться в ответ. Но я не могу. Потому что если я начну чувствовать, то перестану быть пустотой. А без пустоты я никто».

Нестеров вышел. В коридоре он остановился, прислонился лбом к холодной стене. «Он не монстр, — подумал он. — Он человек, который убил в себе человека. И теперь не знает, как его воскресить».

Он пошёл к выходу. Завтра будет новый сеанс. И новый эксперимент. А сегодня — надо купить фикусу удобрение. И позвонить брату. И проведать маму, когда она выйдет из реанимации.

Мир продолжал быть реальным. По крайней мере, для Нестерова. Пока что.

Глава 4. Эксперимент с чистыми картами

Утро следующего дня выдалось ясным — впервые за две недели. Мартовское солнце било в окна кабинета Нестерова. Он сидел за столом, пил свежесваренный кофе и перечитывал свои заметки.

Эксперимент был простым: он попросит Пустоту предсказать событие, которое нельзя узнать из внешних источников. Он загадает число, напишет на листе, запечатает в конверт — и Пустота должен будет назвать его. Никакой утечки информации. Чистая проверка.

Но в душе Нестеров сомневался. Если Пустота угадает — что тогда? Придётся признать, что мир устроен сложнее, чем учили в институте. Если не угадает — Пустота скажет, что «окно не открылось», и эксперимент будет нечистым.

Он взял конверт, чистый лист, ручку. Написал цифру «7». Просто так, первая, что пришла в голову. Запечатал конверт. Положил в карман пиджака.

В «Матросскую Тишину» он приехал к девяти. Сегодня его пропустили быстрее обычного. Баранов ждал у входа в режимный корпус. «Доктор, — сказал капитан, понижая голос, — вчера Пустота попросил передать: «Эксперимент с конвертом не сработает. Не потому, что я не могу, а потому, что конверт уже открыт». Нестеров замер. «Что значит «конверт уже открыт»?» «Не знаю. И ещё он сказал: вы сами откроете конверт до того, как войдёте в камеру. И увидите, что цифра изменилась». «Цифра не может измениться. Это бумага». «Доктор, я не спорю. Я просто передаю».

Нестеров пошёл к камере, но на полпути остановился. Достал конверт из кармана. Запечатан. Цел. Разорвал, вытащил лист. Цифра «7». Всё правильно. Он сунул лист обратно, пошёл дальше. Но перед самой дверью камеры снова остановился. Достал лист ещё раз. И замер. Цифра изменилась. Теперь там было написано «3». Он протёр глаза. Бумага была та же, почерк — его собственный. Но он не помнил, чтобы писал «3». Он помнил, что писал «7». *Он прикрыл глаза на секунду, потом открыл. Цифра снова была «7». Он зажмурился крепче, почти до боли, и медленно, боясь, разлепил веки. «7». Значит, ему показалось. Или он слишком волнуется. Он сунул лист в карман и вошёл в камеру, но в затылке пульсировала одна мысль: "Я не знаю, какая цифра на самом деле".*

Пустота сидел на койке, скрестив ноги. На коленях раскрытая тетрадь, он что-то писал. Увидев Нестерова, отложил ручку. «Вы открыли конверт. И цифра изменилась». «Я не уверен. Моя память могла меня подвести». «Могла. А могла и не подвести. Но суть не в этом. Суть в том, что вы пытаетесь поймать реальность, как бабочку, и накрыть её стаканом. А реальность — она как ртуть. Вы накрываете — а она вытекает». «Давайте сделаем проще, — сказал Нестеров. — Скажите мне, что я съел на завтрак».

Пустота посмотрел на него с лёгким удивлением. «Ячневую кашу. С маслом. И половинку грейпфрута. Вы не любите грейпфруты, но купили вчера, потому что хотели начать правильно питаться. Утром вы съели грейпфрут с отвращением и выбросили вторую половинку. А потом вы стояли у раковины и чувствовали, как кислота разъедает нёбо, и думали:

"Зачем я это делаю?"» Нестеров невольно коснулся языка. Во рту до сих пор был тот привкус — горький, терпкий, с примесью стыда за то, что он не может заставить себя есть полезное. «Вы не могли это знать», — сказал он. «Мог. Потому что вы думали об этом завтраке, пока шли по коридору. Ваши мысли пахнут едой. Горькой, кислой, с примесью стыда».

«Вы читаете мысли?» — спросил Нестеров прямо. Пустота наклонил голову: «Не читаю. Слышу. Это как радио, которое включено всегда. Обычно я могу выключить. Но иногда, когда человек рядом, радио играет громко. Особенно если человек взволнован. Или если он хочет, чтобы его слышали». «Я не хочу, чтобы вы слышали мои мысли». «Значит, вы их не транслируете. Но сейчас вы транслируете. Потому что боитесь, что я их услышу. А страх — это громкая частота».

Нестеров задумался. Если то, что говорит Пустота, правда, то его способности выходят за рамки известной науки. Но если он симулирует — он гениальный симулянт. «Я предлагаю другой эксперимент, — сказал Нестеров. — Я сейчас загадаю число. Я не буду его записывать. Я просто загадаю и забуду. А вы скажете, какое число я загадал». «Вы не можете загадать и забыть, — сказал Пустота. — Загадать — значит создать мысль. А мысль — это энергия. Она остаётся в поле, даже если вы о ней не думаете». «Тогда скажите».

Пустота закрыл глаза. Секунду, две, тридцать. Нестеров смотрел на его лицо — спокойное, почти сонное. Веки подрагивали. Потом Пустота открыл глаза: «Сорок два». Нестеров не знал, загадывал ли он сорок два. Он вообще не был уверен, что загадал какое-то число. «Я не помню», — признался он. «Потому что вы не загадали, — сказал Пустота. — Вы просто попросили меня угадать, но сами не создали числа. Вы хотели проверить, могу ли я прочитать то, чего нет. Не могу. Я не маг. Я просто человек с открытым приёмником». «Открытым приёмником. Это заболевание?» «Это дар. Или проклятие. Смотря как посмотреть».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.